

УДК 341.38

В.И. Любашенко

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ
«ОБЯЗАННОСТИ ВОССТАНАВЛИВАТЬ» СОГЛАСНО
КОНЦЕПЦИИ «ОБЯЗАННОСТИ ЗАЩИЩАТЬ»**

Любашенко В.И. Международно-правовое содержание «обязанности восстанавливать» в концепции «обязанности защищать».

В статье автор раскрывает международно-правовое содержание «обязанности восстанавливать» как части концепции «обязанности защищать». Автор определяет составляющие «обязанности восстанавливать» и закрепление отдельных элементов «обязанности защищать» в международно-правовых актах. Делается вывод о том, что «обязанность восстанавливать» еще полностью не сформировалась в единую структуру, несмотря на сформированность его отдельных элементов.

Ключевые слова: «обязанность восстанавливать»; концепция «обязанности защищать»; концепция «ответственности за защиту»; миростроительство; Комиссия по миростроительству.

Постановка проблемы. Концепция «обязанность защищать» является актуальным инструментом международного права, который находится на этапе своего нормативного утверждения и конкретизации. С начала оформления концепции в 2001 году в докладе Международной комиссии по вопросам интервенции и государственного суверенитета «Обязанность защищать» [*Responsibility to protect*] она значительно эволюционировала, в определенной мере определились границы и отдельные элементы её применения.

При рассмотрении концепции «обязанности защищать» исследователи обычно уделяют внимание военным мерам и предупреждению международных преступлений *in stricto sensu*, незаслуженно упуская постконфликтное строительство, составляющее основное содержание такого столпа данной концепции, как «обязанность восстанавливать». Подобное упущение происходит также и на практике: современная ситуация в Ливии даёт возможность говорить об отсутствии эффективной программы постконфликтного строительства после применения международным сообществом военных мер в рамках концепции «обязанности защищать» в 2011 году. Поэтому высказывается точка зрения о том, что «обязанность восстанавливать» является важным последним столпом указанной концепции, регулирующим миростроительство в государстве после военной интервенции. «Обязанность восстанавливать», как составная часть концепции «обязанности защищать», лишь с недавнего времени обсуждается на уровне ООН и других международных организаций, что подчеркивает необходимость серьёзного внимания к раскрытию ее содержания. Однако отметим, что даже после создания Комиссии по миростроительству в 2005 году, «обя-

занность восстанавливать» не является предметом детального правового регулирования, продолжая зиждиться на многочисленной практике, что еще раз подчеркивает актуальность исследования.

Анализ последних исследований и публикаций. Многие ученые, в основном зарубежные, занимались исследованиями концепции «обязанности защищать». Однако, немногие из них уделяли внимание «обязанности восстанавливать». Среди исследователей, занимавшихся изучением «обязанности восстанавливать» стоит назвать Дж. Саркина, Ерика де Брабандере, А. Гечу, Дж. Велш, Лерри Мея, Д. Флека, К. Белл, К. Стан, Нигель Д. Уайта, П. Гилпольда, К. Гендерсона, С. Леки, К. Хаггинса. В отечественной юридической науке «обязанность восстанавливать» предметом специального анализа не становилась.

Формирование целей. Целью настоящего исследования является рассмотрение выработанной практики применения и выделение на её основе материального аспекта международно-правового содержания «обязанности восстанавливать». В связи с этим в статье рассматриваются составляющие элементы «обязанности восстанавливать», раскрывается их содержание и практика применения.

Изложение основного материала. Прежде всего, отметим, что «обязанность восстанавливать» представляет собой часть постконфликтного миростроительства, также, как и концепции «обязанности защищать», что проявляется в их общей цели – защите человечества от особо тяжких преступлений геноцида, военных преступлений, преступлений против человечества и этнических чисток. Но, как известно, миростроительство необязательно связано с предыдущей авторизацией использования силы [1, с. 128]. «Обязанность восстанавливать» же, в отличие от миростроительства, применяется лишь после реализации «обязанности реагировать» (второго столпа концепции), т.е. военной интервенции. Таким образом, «обязанность восстанавливать», выделенная из практики миростроительства, формирует свой, определенный спецификой и необходимый для выполнения общих целей концепции «обязанности защищать», инструментарий.

Во-вторых, одной из особенностей режима постконфликтного строительства является гибкость применения его норм. Нормы международного гуманитарного права не являются нормами *jus cogens*, поэтому «государства могут свободно модифицировать и дополнять их; аналогично Совет Безопасности ООН (далее – СБ) может расширить функции и мандат» [1, с. 131] оккупационных сил. В целом, природа таких норм позволяет их эффективно применять во многих ситуациях, которые могут значительно отличаться друг от друга. Вариативность ситуаций также приводит к тому, что практика по миростроительству значительно меня-

ется в зависимости от реальных факторов, когда «нормативное влияние *lex [pacificatoria]*¹ не столько лежит в сфере такого нормативного воздействия, сколько в методах, в которых сложившаяся практика совместима с традиционными юридическими нормами и является творческим их продолжением» [2, с. 503]. Именно поэтому представляется более целесообразным сформулировать основные составляющие «обязанности восстанавливать» и принципы их применения, чем определять широкий спектр всех возможных элементов каждого инструмента. Как отмечает Питер Гилшольд, «все попытки ограничить [постконфликтное миростроительство] определенными инструментами ... должны быть оставлены» [3, с. 12–13]. При таком подходе главным критерием оценки легальности той или иной модели применения «обязанности восстанавливать» становится её соответствие основным принципам концепции «обязанности защищать», что позволяет применять «обязанность восстанавливать» ситуативно, в зависимости от реальных факторов.

В «обязанности восстанавливать» выделяют следующие основные элементы: (1) восстановление безопасности (демобилизация и демилитаризация, построение новых сил безопасности), (2) правосудие и примирение (внедрение трибунала – международного или смешанного, внедрение комиссий по примирению, построение системы судопроизводства, разработка программы возвращения беженцев, восстановления в правах) и (3) инициирование развития (экономического, социального и т.д.) [4, с. 40]. Кроме указанных элементов также необходимо выделить аспекты администрирования и конституционной реформы. Указанные элементы находят место в постконфликтной практике, хоть и не являются обязательными в процессе восстановления постконфликтной страны. Отметим, что особенностью этой структуры по сравнению с традиционной структурой миростроительства стало то, что она выделяет более полный, всесторонний, перечень составляющих элементов, а не только те из них, которые касаются безопасности [5, с. 2].

Рассмотрим более детально каждый из этих элементов и принципы, на которых они строятся.

1. *Построение безопасной среды* в государстве является первоочередной задачей «обязанности восстанавливать». Без построения безопасной среды невозможно внедрение дальнейших реформ и эффективная деятельность каких-либо международных структур.

Процесс обеспечения безопасности проявляется в демобилизации, разоружении и реинтеграции военных в мирную жизнь. Эти процессы должны проходить под контролем ООН [6, с. 92] и международного общества. Должна производиться полная демилитаризация всех военных

¹ Т.е. право, применимое после окончания военного конфликта в переходной период.

формирований (кроме военных, действующих по мандату ООН, и полиции). Одновременно с демобилизацией должны внедряться гарантии безопасности людей, вышедших из военных формирований. Этот процесс не может тормозиться действиями отдельных радикальных структур; в таком случае происходит демилитаризация большинства военных структур, в соответствии с планом миростроительства, а радикальные формирования оказываются вне закона и в отношении них применяется военная сила мировым сообществом и государством. Такой подход был применен в Камбодже, где благодаря этому стало возможным уголовное преследование преступников [7].

Реинтеграция военных в мирную жизнь должна происходить одновременно с общим разоружением; вопросы демилитаризации, построения внутренних сил безопасности и реинтеграции военных должны быть четко прописаны в мирном соглашении или мирном плане для того, чтобы не позволить отдельным военным формированиям воспользоваться сложившейся ситуацией. Одновременно с началом проведения демилитаризации должно происходить построение новых структур внутренней безопасности, их применение с первых дней конфликта с целью обучения и тренировки [4, с. 41]. Уместно отметить, что одним из принципов процесса реинтеграции военных в мирную жизнь является четкое различие между комбатантами, виновными в совершении преступлений и нарушениях прав человека, и невиновными комбатантами [8]. Лица, виновные в совершении особо тяжких преступлений, из процесса реинтеграции военных исключаются, что также усиливает общественную поддержку процесса реинтеграции.

Вопросы построения безопасной среды также могут включать в себя вопросы о наличии международной военной или гражданской миссии в целях недопущения повторения конфликта или эскалации ситуации, которые исследовались многими специалистами, поэтому в данном исследовании им не будет уделено внимание.

2. Вопрос второго элемента «обязанности восстанавливать» – *правосудия и примирения* – включает в себя большой спектр инструментов. Стоит отметить, что ряд международных неправительственных организаций подготовили так называемые «пакеты правосудия»¹ (англ.: *justice packages*), которые, с соответствующими изменениями, могут быть применены в постконфликтных странах.

Одними из самых сложных являются вопросы учреждения уголов-

¹ Например, подготовленный Folke Bernadotte Academy: Hansen A. S. The Transition to a Just Order: Establishing Local Ownership after Conflict. A Practitioners' Guide [Electronic resource] / Annika S. Hansen, Sharon Wiharta, Bjørn R. Claussen, Stian Kjeksrud. - Pringraf, Sweden, 2007. - Access mode : http://www.sipri.org/research/conflict/publications/handbook_high.

ного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права. Так, уголовное производство может быть начато еще до окончания конфликта (например, резолюция СБ ООН 1970 года (2011) от 26 февраля 2011 постановила «передать вопрос о ситуации в Ливийской Арабской Джамахирии в период с 15 февраля 2011 года на рассмотрение прокурора Международного уголовного суда» (далее – МУС) еще до окончания конфликта), но, как правило, производство начинается после окончания конфликта.

Существуют различные формы постконфликтной уголовной юрисдикции в отношении преступлений, совершенных во время конфликта: МУС (в том числе с вариацией заседания *in situ* непосредственно в пострадавшей стране), специальный международный трибунал, смешанный трибунал или уголовное производство национальными органами, – каждый из которых имеет как положительные, так и отрицательные моменты и применение которых обуславливается конкретной постконфликтной ситуацией, прежде всего – состоянием системы судопроизводства в стране.

МУС является устоявшейся формой постконфликтной международной юрисдикции, воспринявшей все положительные достижения международных трибуналов. И хотя его деятельность в концепции «обязанности защищать» вызывает вполне обоснованные опасения в силу политизации деятельности МУС [9], тем не менее, МУС проявил себя на практике универсальным и эффективным механизмом постконфликтной юрисдикции.

Специальные смешанные судебные органы (которые были применены, например, в Сьерра-Леоне, Камбодже, Восточном Тиморе, Ливане) являются гибким средством для построения постконфликтной юрисдикционной системы, в чем и заключается главный положительный момент данной формы. Юрисдикция таких трибуналов основывается на специальных международных договорах между представителями международного сообщества и национальными органами. Представляется необходимым применение такой формы в ситуациях, в которых невозможно или нежелательно для дальнейшего построения и восстановления государства применение юрисдикции МУС.

Надо отметить, что все формы уголовного судопроизводства, имеющие международный характер, должны быть дополняющими относительно национального судопроизводства. Формы уголовного судопроизводства международного характера должны быть задействованы вместе с программой реформирования национальной судебной системы. Практические рекомендации по реформе национального судопроизводства можно найти в различных рекомендациях международных организаций, не имеющих статуса юридических норм, в частности, в документе, подготовленном офисом ООН по наркотикам и преступлениям «Реформа уголовной юстиции в постконфликтных странах» [10].

Господству права и правосудия способствуют также различные комиссии по примирению. Можно выделить следующие основные цели комиссий по примирению: (1) комиссия стремится внести свой вклад в переходный мир, «создавая авторитетную запись о том, что произошло»; (2) предоставление соответствующей платформы-форума для жертв с целью документирования преступлений и получения возмещения; (3) рекомендация законодательных и других структурных изменений для предотвращения повторения прошлых преступлений; (4) определение виновных и обеспечение надлежащих мер ответственности для них [11, с. 61]. Подобные комиссии по примирению учреждались неоднократно не только после военных конфликтов; бесспорным является факт положительного влияния их деятельности на конфликтогенную ситуацию в стране. Примирение может быть частью более широкого понятия «построения государства» или «построения народа» (англ.: *state-building, nation-building*), которые являются более политическими понятиями, однако имеют также некоторые юридические элементы. Необходимо отметить, что уголовные трибуналы и комиссии по примирению составляют единую систему постконфликтного судопроизводства, что сказывается на их функциях и подсудности.

Определенные принципы относительно господства права и правосудия в переходный период упомянуты в докладе Генерального секретаря ООН «Господство права и правосудия переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» от 23 августа 2004 года, в котором анализируется практика миростроительства. В нем отмечается, что необходимо «обеспечить в мирных договорах и резолюциях и мандатах» СБ выполнение определенных принципов, среди которых надо выделить главные: обеспечение выполнения международных стандартов беспристрастности, законности и прав человека при осуществлении судопроизводства; судопроизводство должно быть справедливым и целостным; отказ от внедрения амнистии за акты геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности; ООН не учреждает и не принимает участия в работе международного трибунала, который может применять смертную казнь; недопустимость насаждения извне определенных моделей, учет национальных особенностей; полное и всестороннее сотрудничество национального правительства с международными и смешанными трибуналами [12]. В докладе также отмечается, что этот перечень нужно совершенствовать и дополнять.

Так, доклад независимого эксперта Дианы Орендличер об обновленном своде принципов борьбы с безнаказанностью от 8 января 2005 года вместе с приложением к нему «Обновленный свод принципов защиты и поощрения прав человека посредством борьбы с безнаказанностью» определяет уже 38 принципов, которые могут быть применены при построении постконфликтного общества, и охватывает большой

спектр вопросов - от сохранения архивов до реформы государственных учреждений. Этот инструмент является «руководством для поддержки государства» [13, с. 321] в построении постконфликтного государства.

Отдельно следует выделить Основные принципы и руководящие положения ООН о праве на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права (Резолюция ГА ООН 60/147 от 16 декабря 2005 года). Этот документ концентрирует внимание на статусе и правах жертв на правовую защиту и возмещение, и значительная его часть акцентирована на положения внутреннего законодательства. Как указано в преамбуле документа, Основные принципы и руководящие положения «... не создают новых международных или внутренних правовых обязательств, а определяют механизмы, формы, процедуры и методы осуществления имеющихся правовых обязательств в соответствии с международными нормами прав человека и международного гуманитарного права, которые дополняют друг друга, хотя и разные по охвату норм». Эти принципы формировались начиная с 1989 года и после их утверждения в 2005 году активно использовались на практике (принятия законодательства, в судебных процессах) [14].

Важным вопросом в постконфликтном строительстве является вопрос возвращение беженцев, который является составляющим компонентом юстиции и примирения. Одним из основных прав человека является право на возвращение в отечественное государство и проживания там [15, с. 18]. Кристиан Бел называет возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц «постконфликтным императивом» [2, с. 515] в международном праве, говоря о том, что такое право не закреплено в международно-правовых актах, а следует только из норм международного права (главным образом – из Конвенции о статусе беженцев 1951 года). Праву возвращения беженцев посвящены некоторые документы мягкого международного права, в частности, принципы реституции жилья и собственности беженцев и внутренне перемещенных лиц (Доклад специального докладчика ЭКОСОС Пауло Серхио Пинеиро, док. ООН E/CN.4/Sub.2/2005/17) и Руководящие принципы по перемещению лиц внутри страны (Доклад представителя Генерального секретаря Франсиса М. Денга, док. ООН E/CN.4/1998/53/Add.2). Можно выделить отдельные элементы права на возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц, указанные в документах мягкого права: право вернуться в страну или даже отдельную местность; возвращение должно быть добровольным; право не подвергаться возвращению в случае аварийной ситуации; право вернуться в родной дом или право компенсации, если такое возвращение невозможно; обязанность сторон конфликта сотрудничать с соответствующими агентствами для безопасного и добровольного возвращения; право быть включенным в качестве группы в решение о возвращении и т.д. [2, с.

516]. Анализ указанных элементов позволяет сделать вывод, что существуют два основных принципа права на возвращение: принцип безопасности и принцип добровольности. Однако вопросы возвращения жилья, земли, восстановления в праве собственности беженцев в постконфликтной стране остаются нерешенными и довольно дискуссионными и, как правило, решаются в зависимости от ситуации в мирных договорах¹.

3. Последний элемент «обязанности восстанавливать» – *развитие* – не имеет своих конкретных принципов. В первую очередь, развитие касается экономической и социальной сферы: должна быть сформирована надлежащая нормативная база для такого развития, сформулирована стратегия устойчивого развития и тому подобное.

Важную роль на данном этапе играет Комиссия по миростроительству (вместе с Фондом миростроительства и Управлением по поддержке миростроительства), которая пришла на смену специальным консультативным группам по отдельным странам (по Бурунди – Решение ЭКОСОС 2003/311 от 22 августа 2003 года, во Гвинеи-Бисау – Решение ЭКОСОС 2002/304 от 25 октября 2002 года). Комиссия по миростроительству выполняет следующие функции: сводит вместе все соответствующие стороны, включая международных доноров, международные финансовые учреждения, национальные правительства, страны, предоставляющие войска; мобилизует ресурсы; рекомендует и предлагает комплексные стратегии постконфликтного миростроительства и восстановления и, при необходимости, привлекает внимание к любым проблемным областям, которые способны подорвать мир [16]. Однако необходимо заметить, что учреждение Комиссии по миростроительству в ее современном виде вызывает много критики у специалистов [3, с. 11]. Главным замечанием выступает статус Комиссии – вместо независимой организации государства создали консультативный орган, который выступает лишь форумом для обсуждения политики миростроительства. Несмотря на это, деятельность Комиссии по миростроительству, как единственного органа такого плана, является важной составляющей при формулировании всеобъемлющей стратегии постконфликтного строительства государства.

Практика применения вышеуказанных составляющих «обязанности восстанавливать» и доктрина сформировали ряд общих принципов «обязанности восстанавливать». Таковыми являются принципы целостности охвата восстановления, наиболее эффективного субъекта, эффективности присутствия и подотчетности. Указанные принципы не закреплены в каком-нибудь международном-правовом акте, и более того, не разрабо-

¹ Подробнее об этом: Leckie S. Conflict and Housing, Land and Property Rights: A Handbook on Issues, Frameworks and Solutions / Scott Leckie, Chris Huggins. – Cambridge University Press, 2011. – 312 p.

таны детально в доктрині и нуждаются в дальнейшей разработке.

Выводы. Как видим, «обязанность восстанавливать» полностью еще не сформировалась в единую структуру. Такая структура формируется практикой применения «обязанности восстанавливать» и её можно увидеть в докладе Международной комиссии по вопросам интервенции и государственного суверенитета «Обязанность защищать» 2001 года. Вместе с тем отдельные элементы «обязанности восстанавливать» уже сформированы и отображаются в документах мягкого международного права. Среди них необходимо выделить: (1) *восстановление безопасности* (демобилизация и демилитаризация, построение новых сил безопасности), (2) *юстиция и примирение* (внедрение трибунала – международного или смешанного, внедрение комиссий по примирению, построение системы судопроизводства, разработка программы возвращения беженцев, восстановление в правах) и (3) *развитие* (экономическое, социальное и т.д.). Однако они не имеют устоявшихся детализированных правил, а сводятся лишь к ряду принципов, призванных обеспечить гибкость их применения к каждому отдельному случаю. Такие принципы формируются практикой и содержатся, как правило, в документах мягкого права ООН, которые систематизируют практику по определенному вопросу. Такой подход позволяет сформировать такую модель восстановления государства, которая будет соответствовать сложившейся ситуации.

Итак, подводя итог предпринятому анализу, главной проблемой на данный момент представляется несформированность «обязанности восстанавливать» в единую структуру; более того, она не закреплена юридически в международном праве и требует дальнейшего детального обоснования, на что необходимо обратить внимание специалистам в сфере международного права. Это проявляется в фрагментарности правового регулирования «обязанности восстанавливать»: вопросы правосудия и примирения имеют существенную правовую базу и регулируются многочисленными принципами, в то время как вопросы развития не сформировали своих конкретных принципов.

Использованные источники:

1. Brabandere E. The Responsibility for Post-Conflict Reforms: a Critical Assessment of Jus Post Bellum as a Legal Concept / Eric de Brabandere // Vanderbilt Journal of International Law. – Vol. 43. – 2010. – P. 119–149.

2. Research Handbook on International Conflict and Security Law. Jus ad bellum, Jus in bello, Jus post bellum / Ed. by Nigel D. White, Christian Henderson. – Edward Elgar Publishing Limited, 2013. – 704 p.

3. Hilpold P. Jus post bellum and responsibility to rebuild [Electronic resource] / Peter Hilpold. – SSRN electronic library. – Access mode : <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2443272>.

4. The Responsibility to protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. – Ottawa : International Development Research Centre, 2001 – 108 p.

5. Crossley N. Humanitarian Intervention: From Le Droit d'Ingérence to the Responsibility to Protect [A thesis submitted to the Department of International Relations of the London School of Economics for the degree of Doctor of Philosophy, London, 2015] [Electronic resource]. – 196 p. – Access mode : <http://etheses.lse.ac.uk/3161/>.

6. Fleck D. The Responsibility to Rebuild and Its Potential for Law-Creation: Good Governance, Accountability and Judicial Control / Dieter Fleck // Journal of International Peacekeeping. – Volume 16, Issue 1-2, 2012. – P. 84–98.

7. Lucy K. UNTAC in Cambodia – from occupation, civil war and genocide to peace/ Lucy Keller// Max Planck Yearbook of United Nations Law. – Vol. 9, 2005. – P. 127–178.

8. Guidance Note of UN Secretary-General «United Nations Approach to Transitional Justice», March 2010. – [Electronic resource]. – Access mode : http://www.unrol.org/files/TJ_Guidance_Note_March_2010FINAL.pdf.

9. Kersten M. A Fatal Attraction? The UN Security Council and the Relationship between R2P and the International Criminal Court / Mark Kersten // International Law and the Politics of Justice (Jeff Handmaker & Karin Arts eds., forthcoming 2014). – P. 5–10.

10. Criminal justice reform in post-conflict States. A guide for practitioners [Electronic resource]. – N.Y., Vienna : United Nations, 2011. – 128 p. – Access mode : http://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/11-83015_Ebook.pdf.

11. Christie K. The South African Truth Commission/ Kenneth Christie. – N.Y., St. Martin's Press, 2000. – 228 p.

12. Доклад Генерального секретаря ООН «Господство права и правосудия переходного периода в конфликтных и постконфликтных обществах» от 23 августа 2004 года. Док. ООН S/2004/616.

13. Kohen M. G. Promoting Justice, Human Rights and Conflict Resolution Trough International Law. La Promotion de la Justice, Des Droits de L'homme Et Du Règlement Des Conflits Par Le Droit International / Marcelo Gustavo Kohen. – Leiden : Martinus Nijhoff Publishers, 2007. – 1238 p.

14. Бовен Т. Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права / Тео ван Бовен // United Nations Audiovisual Library of International Law. – [Электронный ресурс]: http://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_60-147/ga_60-147_r.pdf.

15. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть : [учебник] / И. И. Лукашук. – М. : Издательство БЕК, 1997. – 456 с.

16. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция ГА ООН 60/1 от 16 сентября 2005 года. Док. ООН А/RES/60/1.

Любашенко В.І. Міжнародно-правовий зміст «обов'язку відновлювати» в концепції «обов'язку захищати»

У статті розкрито міжнародно-правовий зміст «обов'язку відновлювати» як частини концепції «обов'язку захищати»; висвітлено складові «обов'язку відновлювати» та закріплення окремих елементів «обов'язку захищати» в міжнародно-правових актах. Доходиться висновку про те, що «обов'язок відновлювати» ще повністю не сформувався в єдину структуру, незважаючи на сформованість окремих його елементів.

Ключові слова: *«обов'язок відновлювати»; концепція «обов'язку захищати»; концепція «відповідальності за захист»; миробудівництво; Комісія з миробудівництва.*

Liubashenko V.I. International legal content of the «responsibility to rebuild» within the «responsibility to protect» concept

The author reveals the content of international legal content of the «responsibility to rebuild» as part of the «responsibility to protect» concept. «Responsibility to rebuild» is a part of peacebuilding but has another structure and aim of applying. In contrast to the peacebuilding, «responsibility to rebuild» is applied only after the military intervention. The author defines the components of the «responsibility to rebuild», which are restoration of security (demobilization and demilitarization, construction of new security forces), justice and reconciliation (international and mixed tribunals, commissions for reconciliation, construction of the judicial system, development of the schemes for return of refugees, restoration of rights) and development (economic, social, etc.). In addition to these components there is need to highlight aspects of the administration and constitutional reform also. A special feature of this structure in comparison with the traditional structure of peacebuilding is that it allocates a comprehensive range of items, not just those relating to security. The consolidation of certain components of the «responsibility to rebuild» flows from practice of peacebuilding and international instruments such as ECOSOS, GA and UN offices resolutions. Elements of «responsibility to rebuild» have not established detailed rules but reduced to a number of principles in order to provide flexibility to the rules applicable to each individual case. This allows international community to create a model of restoration of the state, which will correspond to the current situation. The author adverts the creation of Peacebuilding Commission and defines it as a unique authority for providing maintenance to the process of peacebuilding in spite of a lot of critique to its activity. The article concludes that «responsibility to rebuild» is not yet fully formed in a single structure, but some elements of the «responsibility to rebuild» has already been formed and confirmed in documents of international soft law.

Key words: *responsibility to rebuild; responsibility to protect; peacebuilding; Peacebuilding Commission.*